

DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-4-671-682

Научная статья / Research article

Восточное Средиземноморье во внешней политике ОАЭ: цели и принципы

Т.И. Тюкаева

Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук (ИМЭМО РАН), Москва, Российская Федерация
 tatyana-tyukaeva@yandex.ru

Аннотация. Регион Восточного Средиземноморья в последние годы стал зоной нарастающей активности региональных государств и источником напряженности в отношениях между ними. Важность данного региона с энергетической и военно-политической точек зрения предопределила интенсивную вовлеченность в формирующийся здесь конфликтный узел Объединенных Арабских Эмиратов (ОАЭ), нерегионального игрока, столь активно включившегося в восточно-средиземноморскую повестку и рассматривающего Восточное Средиземноморье как один из наиболее стратегически важных регионов в своей глобальной стратегии. ОАЭ относительно недавно начали проводить энергичный внешнеполитический курс, выходящий за пределы субрегиона Залива, а Восточно-Средиземноморский регион стал достаточно новым его направлением. В этой связи количество и спектр научных работ как в отечественной, так и зарубежной литературе, посвященных отдельно эмиратской внешнеполитической активности и, тем более, политике в отношении Восточного Средиземноморья, достаточно ограничены и не отражают усилившегося влияния малой монархии Залива в трансрегиональном масштабе. Это обуславливает необходимость в проведении комплексного исследования по данной проблематике. На основании анализа имеющихся научных публикаций, затрагивающих отдельные аспекты внешней политики ОАЭ и проблематики напряженности в Восточном Средиземноморье, а также изучения источников аналитического и статистического характера автор приходит к следующему выводу. Резко возросший интерес ОАЭ к Восточному Средиземноморью является частью значительных трансформаций эмиратской внешней политики, наблюдающихся с начала 2010-х гг. и включающих не только изменения в ее содержательном наполнении, но и в расширении ее масштабов и задействовании новых инструментов ее реализации. Активность ОАЭ в Восточно-Средиземноморском регионе объясняется не только общей задачей внешнеполитического курса по сдерживанию Турции и борьбе с исламистской угрозой, но и глобальными амбициями эмиратского руководства в энергетической и логистической сферах, а также укреплению престижа малой монархии Залива на международном уровне.

Ключевые слова: внешняя политика ОАЭ, Восточное Средиземноморье, турецко-эмиратское соперничество, египетско-эмиратское сотрудничество, израильско-эмиратское сотрудничество, ливийский кризис, французско-эмиратское сотрудничество

© Тюкаева Т.И., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Для цитирования: Тюкаева Т.И. Восточное Средиземноморье во внешней политике ОАЭ: цели и принципы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2021. Т. 21. № 4. С. 671—682. DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-4-671-682

The Eastern Mediterranean in UAE Foreign Policy: Goals and Principles

Tatiana I. Tyukaeva

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

 tatyana-tyukaeva@yandex.ru

Abstract. The Eastern Mediterranean in recent years has become an arena of growing activity of regional states causing tensions among them. The importance of this region from political and military point of view combined with its strategic value in the world energy markets underpins the growing involvement of the UAE, a non-regional actor that lately has become deeply engaged in the regional agenda. Due to the fact that the UAE has taken up a quite active foreign policy course outside of its traditional Gulf circle only recently — with the Eastern Mediterranean becoming a new area of Emirati activities — the volume and scope of Russian and foreign research on this topic is rather limited. The existing works that in some way cover issues of the UAE foreign policy do not reflect the increasing influence of this small Gulf state in the Middle East and North Africa and beyond. For this reason, there is a need for complex research on the matter. This paper is based on analysis of existing works on topics related to some aspects of Emirati foreign policy and tensions in the Eastern Mediterranean, as well as analytical articles and statistics. The dramatically increased interest of the UAE in the Eastern Mediterranean is part of significant transformations in the monarchy's foreign policy that have been taking place since early 2010s. These transformations manifest themselves in new goals and purposes of Emirati foreign policy, its expanding scale and new instruments for its implementation. Not only is the UAE policy in the Eastern Mediterranean consistent with its general goal of containing Turkey and fighting the threat of Islamism, but it is also a part of realizing Emirati global ambitions of becoming a leader in energy and logistics and ensuring its international status as an influential actor.

Key words: UAE foreign policy, Eastern Mediterranean, Turkish-UAE rivalry, Egyptian-UAE cooperation, Israeli-UAE cooperation, Libyan crisis, French-Emirati cooperation

For citation: Tyukaeva, T. I. (2021). The Eastern Mediterranean in UAE foreign policy: Goals and principles. *Vestnik RUDN. International Relations*, 21(4), 671—682. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2021-21-4-671-682>

Введение

Растущая напряженность в Восточном Средиземноморье в последние несколько лет вышла за пределы проблемы делимитации морских границ между Турцией и Грецией, Турцией и Кипром, став новой зоной стратегического противостояния между Турцией, с одной стороны, и арабскими и европейскими государствами региона — с другой. Сложился своего рода «антиисламистский / антитурецкий» лагерь (Египет, Израиль, Греция, Кипр, Франция) региональных сил, участником которого стали ОАЭ. Данная статья ставит своей целью поиск ответа на вопрос: какие интересы в Восточно-Средиземноморском регионе преследует малая монархия географически отдаленного Персидского залива и как она их реализует?

Проблематика внешней политики ОАЭ не часто становится объектом исследования востоковедов-арабистов (особенно отечественных) и, как правило, изучается в работах, посвященных динамике отношений внутри Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ) и внешней политике всех его членов (Мелкумян, 2016; 2018; 2019; Кузнецов, 2017; The Small Gulf States..., 2017).

По мере роста эмиратской активности в регионе Ближнего Востока и Северной Африки во время и после «арабской весны» начали появляться некоторые научные работы, посвященные трансформации внешней политики ОАЭ в последнее десятилетие (Almezaini, 2018b; Antwi-Boateng & Binhuwaidin, 2017; Guéraiche, 2019; Roberts, 2017; Ulrichsen,

2016) и ее отдельным аспектам (Горбатова, 2019; Мелкумян, 2021; Федорченко, Артюшкин, 2020; Almezaini, 2018a), однако их число и тематический охват остаются достаточно ограниченными. Особенности эмиратской региональной политики частично рассматриваются в ряде статей, исследующих изменения баланса сил на Ближнем Востоке и соперничество между новыми складывающимися альянсами (Brun & Feuer, 2021; Dell & Feuer, 2021; Miller & Verhoeven, 2020). Кроме того, эмиратская внешняя политика и ее особенности все чаще анализируются в работах турецких авторов — преимущественно в негативном свете (Telci & Horoz, 2018; Bakir, 2020).

Если говорить о вопросах напряженности в Восточном Средиземноморье, то они также достаточно мало исследованы в российской научной литературе (Горбунова, Иванова, 2019; 2020), все чаще становясь объектом изучения зарубежных авторов (Evaghorou, 2018; Güney & Korkmaz, 2021; *The Eastern Mediterranean in Transition...*, 2015; Prontera & Ruszel, 2017), однако даже в их работах политике ОАЭ в этом регионе уделяется недостаточно внимания, если уделяется вовсе. В данной статье автор ставит перед собой задачу заполнить этот вакуум.

Трансформация внешней политики ОАЭ в 2010-х гг.

За непродолжительный период своего существования как независимого государства ОАЭ удалось закрепить свое положение не только как нефтеэкспортера, но и как крупнейшего регионального финансового и торгового хаба, международного инвестора и донора. Ряд эмиратских фондов осуществляли гуманитарную деятельность в различных странах мира, уделяя особое внимание поддержке мусульманских сообществ и меньшинств (Мелкумян, 2018). Однако в политической сфере интересы ОАЭ практически не выходили за пределы субрегиона Залива: их внешнеполитический курс, как и политика других малых монархий — участниц ССАГПЗ, шел в фарватере стратегии Саудовской Аравии. Военная поддержка США и

членство в ССАГПЗ были основой обеспечения безопасности ОАЭ перед лицом главной внешней угрозы — Ирана.

Ситуация начала стремительно меняться с начала 2010-х гг., когда события «арабской весны» и постепенное снижение американской вовлеченности в региональную повестку на фоне ослабления позиций традиционно влиятельных Ирака, Египта, Ливии и Сирии спровоцировали изменение баланса сил в масштабах всего Ближневосточного региона и стимулировали внутрирегиональное соперничество между усиливающимися Турцией, Ираном и отдельными монархиями Залива (Мелкумян, 2016, с. 55).

Немаловажным фактором трансформации эмиратской внешней политики является смена руководства страны. После смерти в 2004 г. эмира Абу-Даби, основателя и первого президента ОАЭ шейха Зайда Аль Нахайяна, государство возглавил его старший сын Халифа, однако функции фактического лидера (особенно после 2014 г., когда Халифа перенес инсульт) и главного архитектора эмиратской внешней политики все больше выполнял его брат, наследный принц Мухаммад бин Зайд. Получивший профессиональное военное образование и отличающийся амбициозностью и решительным характером, Мухаммад бин Зайд стал инициатором планов по укреплению позиций ОАЭ на международной арене в военно-политической и экономической сферах, а также масштабных экономических стратегий развития малой монархии, первой в субрегионе Залива начавшей курс на снижение зависимости от экспорта углеводородов, технологизацию и диверсификацию экономики, развитие «зеленой» энергетики. Помимо этого эмиратский лидер является ярким противником политического ислама главным образом в лице «Братьев-мусульман»¹ и последовательно отстаивает борьбу с ними — сначала внутри страны, а затем и вовне, рассматривая их как главную угрозу безопасности монархии и правящей семьи (Roberts, 2017, pp. 553—554). Что касается Ирана, который по-прежнему

¹ Организация запрещена в РФ.

рассматривается в качестве потенциальной, хотя уже и не основной, угрозы, то в отношении него был избран подход наращивания экономической вовлеченности², в результате чего ОАЭ за последние десять лет стали вторым по важности иранским торговым партнером.

Трансформация внешней политики ОАЭ с начала 2010-х гг. проявилась как в формулировании новых целей и задач, так и еще более ощутимо — в инструментах ее реализации и масштабах по мере разрастания эмиратской активности не только за пределы субрегиона Залива, но и арабского региона в целом, в первую очередь в прилежащие регионы (Африканский Рог, Сахель, Европа).

Так, в сфере обеспечения безопасности ОАЭ по-прежнему рассматривают военнотехническое сотрудничество с США и членство в ССАГПЗ как важные составляющие, однако предпочитают более активную политику, что выражается в диверсификации военнополитического сотрудничества и поиске новых партнеров с точки зрения как потенциальных поставщиков военных технологий и техники — в лице, например, европейских государств, России, Китая и Израиля, так и сильных региональных союзников в борьбе с исламистской угрозой. В целом военный компонент внешней политики ОАЭ становится все более явным: Абу-Даби является одним из крупнейших покупателей вооружений в регионе и обладает достаточно квалифицированными и технологически продвинутыми военно-воздушными силами, которые в том числе активно направляются в помощь союзникам (например, в Ливии и Йемене). Новым инструментом в эмиратской политике безопасности также стали военные базы (Telci & Nogoz, 2018) в стратегически важных для ОАЭ районах Красного моря и Восточного Средиземноморья.

Высокую значимость с точки зрения обеспечения своей безопасности ОАЭ придают наращиванию контроля над морскими

путями, в особенности в таких важных для их внешнеэкономической деятельности точках, как Баб-эль-Мандебский и Ормузский проливы и Суэцкий канал. Этим во многом обусловлены «особые» отношения с Ираном, размещение военных баз на Африканском Роге и в Йемене, как и активная вовлеченность ОАЭ в йеменский конфликт и цели в нем, отличающиеся от политики Саудовской Аравии, возглавляющей арабскую коалицию. Помимо этого ОАЭ также активно расширяют сеть своих портов по всему миру усилиями DP World, которая на сегодняшний день является одним из крупнейших портовых операторов на планете в более чем 50 странах.

Главными характеристиками внешней политики ОАЭ представляются прагматизм и самостоятельность, основывающиеся на диверсификации и «проактивности». Расширение портфолио военнополитических и экономических активов является не только средством обеспечения собственной безопасности и реализации амбициозных планов развития, но и способом повышения престижа и наращивания влияния на международной арене.

Интересы ОАЭ в Восточном Средиземноморье

Регион Восточного Средиземноморья относительно недавно начал привлекать внимание эмиратского руководства. После начала «арабской весны» и на фоне роста активности Турции как в арабских восточно-средиземноморских странах, так и в морском пространстве региона все больше увеличивались эмиратские региональные военнополитические и экономические амбиции. Немаловажную роль сыграло и открытие газовых месторождений на шельфе Израиля, Египта и Кипра в 2009—2018 гг. Все это в совокупности привело к заметной активизации ОАЭ последние несколько лет в Восточном Средиземноморье — географически достаточно отдаленном от малой монархии Залива.

Основной интерес ОАЭ в Восточном Средиземноморье лежит в геополитической плоскости и заключается в сдерживании Турции, недопущении усиления позиций политического ислама в лице, в первую

² Guzansky Y. Sparta in the Gulf: The Growing Regional Clout of the United Arab Emirates // INSS Insight. No. 882. January 8, 2017. URL: <https://www.inss.org.il/publication/sparta-gulf-growing-regional-clout-united-arab-emirates/> (accessed: 03.09.2021).

очередь, «Братьев-мусульман» и поддержке союзников — как традиционных (например, Египта), так и новых (например, Греции, Кипра, Израиля), преимущественно разделяющих эмиратские опасения в отношении экспансии турецкого и исламистского влияния.

Не меньшую значимость Восточное Средиземноморье представляет в свете реализации эмиратских амбиций по наращиванию своего контроля над глобальными морскими путями. В этом контексте Средиземное море в целом представляется «стратегически важным пространством», где проходят судоходные маршруты, принципиально важные с точки зрения мировой торговли и энергетических потоков и соединяющие Европу, Красное море и Индийский океан³. В этой связи турецкая доктрина «Голубая родина» (*Mavi Vatan*), подразумевающая закрепление доминирующей роли Турции в Восточном Средиземноморье и наращивание контроля над стратегически важными морскими путями⁴, и первые шаги по ее реализации рассматриваются ОАЭ как прямая угроза их интересам.

Кроме того, восточно-средиземноморские страны, такие как Греция и Кипр, отношения с которыми по ряду направлений резко активизировались в середине 2010-х гг., рассматриваются ОАЭ как «ворота» в Европу⁵: развитие связей с ними представляется способом расширить взаимодействие со структурами ЕС и влиятельными европейскими государствами по целому спектру направлений — от торгово-экономических до военно-технических. В

свою очередь, Ливия, где ОАЭ проявляли заметную, в том числе военную, вовлеченность с начала «арабской весны», имеет значимость для эмиратского руководства как важный опорный пункт в Магрибе и Сахеле в обеспечении своих интересов в сфере безопасности и в реализации разнообразных инвестиционных проектов в области развития морских и сухопутных коммуникаций, портовой инфраструктуры и энергетики.

Растущую активность ОАЭ в Восточном Средиземноморье и деятельную вовлеченность в повестку соперничества и сотрудничества, конфликтов и коллективных проектов восточно-средиземноморских и сопредельных государств в целом следует рассматривать не только как реализацию эмиратских региональных и трансрегиональных интересов в сферах безопасности и экономики. Это часть позиционирования малой монархией Залива своего статуса на международной арене в качестве влиятельного, авторитетного игрока, ценного партнера и потенциального брокера для третьих государств, что представляет собой отдельную значимость и важный внешнеполитический актив для Абу-Даби.

Отношения ОАЭ с государствами Восточного Средиземноморья

Недовольство политикой Анкары, и в особенности турецко-ливийские соглашения 2019 г. о делимитации морских границ и военном сотрудничестве, послужило дополнительным стимулом для интенсификации взаимодействия ОАЭ со странами условного «антиисламистского / антитурецкого» лагеря, что вылилось помимо прочего в формирование в феврале 2021 г. Форума дружбы (*Philia Forum*) при участии Кипра, Греции, Франции, Саудовской Аравии, Египта, ОАЭ и Бахрейна⁶. Форум формально является площадкой для диалога в целях укрепления взаимодействия между Заливом и Восточным Средиземноморьем и поддержания стабильности в

³ A Geopolitical Sea: The New Scramble for the Mediterranean / ed. by G. Dentice, V. Talbot // ISPI Dossier. July 17, 2020. P. 29. URL: https://www.ispionline.it/sites/default/files/pubblicazioni/ispi_dossier_a_geopolitical_sea_july_2020.pdf (accessed: 03.09.2021).

⁴ Denizeau A. Mavi Vatan, the “Blue Homeland” The Origins, Influences and Limits of an Ambitious Doctrine for Turkey // IFRI. April, 2021. URL: ifri.org/sites/default/files/atoms/files/denizeau_mavi_vatan_turkey_2021.pdf (accessed: 03.09.2021).

⁵ Guzansky Y., Lindenstrauss G. The Growing Alignment between the Gulf and the Eastern Mediterranean // Middle East Institute. May 25, 2021. URL: <https://www.mei.edu/publications/growing-alignment-between-gulf-and-eastern-mediterranean> (accessed: 25.08.2021).

⁶ Baker R. The EastMed Gas and Philia Forums: Reimagining Cooperation in the Mediterranean // Washington Institute. March 18, 2021. URL: <https://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/eastmed-gas-and-phia-forums-reimagining-cooperation-mediterranean> (accessed: 25.08.2021).

регионе, а по факту представляется неким политическим заявлением о формировании «антиисламистского / антитурецкого» лагеря восточно-средиземноморских стран при поддержке монархий Залива, в первую очередь ОАЭ. Параллельно Абу-Даби все более активно развивает сотрудничество в военно-политической и экономической сферах с вовлеченными государствами в соответствии с общими принципами своей внешней политики и непосредственными интересами в Восточном Средиземноморье.

Египет является традиционным партнером для монархий Залива в *военно-политической сфере*, однако в 2010-х гг. наиболее активно сотрудничество развивается именно с ОАЭ. В 2013 г. эмиратское руководство поддержало министра обороны, нынешнего президента Абдельфаттаха ас-Сиси в свержении президента-исламиста Мухаммеда Мурси и вслед за египетскими властями официально объявило «Братьев-мусульман» террористической организацией. Каир и Абу-Даби разделяют позицию в отношении угрозы политического ислама в регионе в целом и координируют свою деятельность по борьбе с исламистским терроризмом — в первую очередь в Ливии, а также в соседних арабских странах и приграничных районах Сахеля, оказывая военно-техническую и политическую поддержку антиисламистским силам. Два государства регулярно проводят совместные военные учения при участии военно-воздушных, морских и сухопутных сил как в Заливе, так и в различных районах Средиземного и Красного морей. По некоторым данным, монархии Залива — не в последнюю очередь ОАЭ — активно участвуют в финансировании заметно выросших в 2010-х гг. египетских закупок вооружений и наращивании военной мощи, а также создании нескольких военных морских и воздушных баз в Красном и Средиземном морях⁷ (в регионах приоритетной значимости для ОАЭ в последние годы), о чем косвенно

свидетельствует присутствие Мухаммада бин Зайда на их открытии.

Франция также является одним из традиционных для ОАЭ партнеров в политической и военно-технической областях. С 2009 г. в Абу-Даби действует французская военноморская база, продолжает расширяться сотрудничество в военной сфере в рамках обновляемых (с 1995 по 2019 г.) соглашений об обороне, а также стратегического диалога, при этом ОАЭ остаются крупнейшим покупателем французской военной техники и вооружений в регионе⁸. Париж и Абу-Даби разделяют позиции по целому ряду приоритетных направлений эмиратской внешней политики, и не в последнюю очередь — в отношении политического ислама и «Братьев-мусульман» (что для Франции также является внутривосточной проблемой). Это позволяет им координировать свои усилия при проведении антитеррористических операций, например, в Ливии, Йемене, Сахеле. Дополнительный стимул в развитии эмиратско-французского военно-политического сотрудничества придают недовольство политикой Турции в Восточном Средиземноморье, масштабная и развивающаяся параллельно их кооперация с Египтом, а также динамичные личные контакты между Мухаммадом бин Зайдом и президентом Эммануэлем Макроном.

Относительно новыми партнерами в военно-политической сфере для ОАЭ являются Греция и в особенности Кипр, в котором эмиратское посольство было официально открыто лишь в 2016 г. Греко-эмиратские отношения имеют более продолжительную историю, однако до недавнего времени ограничивались преимущественно экономической сферой. После подписания Турцией и ливийским Правительством национального согласия соглашения о делимитации морских границ в 2019 г. контакты двух восточно-средиземноморских государств, чьи отношения с Анкарой исторически омрачены

⁷ Kuimova A. Understanding Egyptian Military Expenditure // SIPRI Background Paper. October, 2020. URL: https://www.sipri.org/sites/default/files/2020-10/bp_2010_egyptian_military_spending.pdf (accessed: 25.08.2021).

⁸ UAE Still a Top Client as French Arms Sales Fall // The Defense Post. June 3, 2020. URL: <https://www.thedefensepost.com/2020/06/03/uae-still-a-top-client-as-french-arms-sales-fall/> (accessed: 25.08.2021).

напряженностью по целому ряду направлений, с ОАЭ в области безопасности заметно активизировались. Участились взаимные визиты — как в двустороннем, так и трехстороннем формате — на высоком и высшем уровнях, были подписаны соглашения о стратегическом партнерстве и сотрудничестве в сфере обороны (Меморандум о взаимопонимании — с Кипром), подразумевающие в том числе обмен разведанными и позволяющие размещение вооруженных сил на территории друг друга⁹. Греция проявляет интерес к эмиратским инвестициям в свою оборонную промышленность, а также закупке некоторых видов военной техники¹⁰.

Нормализация отношений позволила ОАЭ и Израилю, разделяющим опасения в отношении политики Ирана и деятельности исламистов в регионе, более открыто развивать взаимодействие в сфере безопасности. Оба государства стремятся к расширению присутствия израильских производителей вооружений на эмиратском рынке и развитию сотрудничества в сфере кибербезопасности. Кроме того, ОАЭ выражают особую заинтересованность в приобретении системы противоракетной обороны «Железный купол», а Израиль видит выгоду в получении дополнительных платформ для сбора разведанных — с учетом расширившейся сети эмиратских баз — и наращивании взаимодействия в сфере безопасности в районах Красного моря, Аденского, Персидского и Оманского заливов. Так, по некоторым данным, Израиль и ОАЭ планируют создать совместную базу на Сокотре¹¹. Также сообщается о некоем

трехстороннем взаимодействии между израильтянами, эмиратцами и проэмиратским Южным переходным советом в Йемене¹².

Помимо этого эмиратские авиация и флот начали более активно принимать участие в совместных многосторонних военных учениях по приглашению других восточно-средиземноморских государств. Например, с 2017 г. ОАЭ участвуют в ежегодных учениях военно-воздушных сил *Iniochos*, организуемых Грецией, при участии США, Франции, Испании, Кипра и Израиля, а в 2020 г. ОАЭ и Франция впервые присоединились к регулярным греко-египетско-кипрским учениям *Medusa* вблизи побережья Александрии.

Отдельного внимания заслуживает военная активность ОАЭ в Ливии. Вовлеченность Абу-Даби в ливийский конфликт обозначилась еще в 2011 г. на первой его стадии, когда в координации с Францией¹³ ОАЭ оказывали поддержку оппозиционным силам в Зинтане. По мере активизации в стране различных исламистских организаций и группировок интенсифицировалось участие во внутриливийском конфликте Абу-Даби, который поддерживал антиисламистские военные кампании маршала Халифы Хафтара и в активном взаимодействии с Каиром — и менее открыто с Парижем — оказывал военно-техническую и финансовую помощь Ливийской национальной армии. Имеются данные о египетско-эмиратских военно-воздушных боевых операциях против сил исламистов¹⁴, а в 2016 г.

<https://gulrif.org/what-would-a-closer-security-partnership-between-israel-and-the-uae-look-like/> (accessed: 25.08.2021).

¹² Jalal I. UAE — Israel Normalization Gives Rise to New Risks for Yemen and the Region // Middle East Institute. September 14, 2020. URL: <https://www.mei.edu/publications/uae-israel-normalization-gives-rise-new-risks-yemen-and-region> (accessed: 25.08.2021).

¹³ Gillon J. France — Libya: Marshal Haftar, the Controversial Friend of the Élysée // The Africa Report. March 20, 2020. URL: <https://www.theafricareport.com/24823/france-libya-marshal-haftar-the-controversial-friend-of-the-elysee/> (accessed: 25.08.2021).

¹⁴ См.: Egypt, UAE Carried out Airstrikes in Libya, Says US // France 24. August 26, 2014. URL: <https://www.france24.com/en/20140826-egypt-uae-airstrikes-libya-tripoli-usa-officials-say> (accessed: 25.08.2021); UAE Implicated in Lethal Drone Strike in Libya // BBC News. August 28, 2020. URL:

⁹ Mathews S. UAE joins Greek, Egyptian naval exercise in Eastern Mediterranean // Al-Monitor. December 1, 2020. URL: <https://www.al-monitor.com/originals/2020/12/uae-greece-defense-agreement-turkey-eastern-mediterranean.html> (accessed: 25.08.2021).

¹⁰ Iddon P. Greece — UAE Defense Pact Could Benefit the Hellenic Air Force // Forbes. December 17, 2020. URL: <https://www.forbes.com/sites/pauliddon/2020/12/17/heres-how-greeces-defense-pact-with-the-uae-could-benefit-the-hellenic-air-force/?sh=772bfb306165> (accessed: 25.08.2021).

¹¹ Cafiero G., Sudetic B. What Would a Closer Security Partnership between Israel and the UAE Look Like? // Gulf International Forum. October 14, 2020. URL:

на востоке Ливии даже появилась эмиратская военная база Аль-Хадим¹⁵.

Во многом эмиратская активность на ливийском направлении представляется отражением квинтэссенции политики ОАЭ в Восточном Средиземноморье: она включает идеологический компонент — глобальное противостояние исламу во всех его формах, геополитический компонент — сдерживание Турции в Ближневосточном и смежных с ним регионах и оказание поддержки союзникам (в первую очередь Египту), имиджевый компонент — демонстрацию технических возможностей и военного потенциала, способности проецировать свою «жесткую силу», а также региональное и международное позиционирование своей роли как выгодного партнера посредством активного взаимодействия с рядом региональных и внерегиональных государств. Помимо этого Ливия является важной страной для ОАЭ с точки зрения их глобальной экономической стратегии — как «вход» в Африку, «выход» к Восточному Средиземноморью и потенциальный район для расширения эмиратской международной портовой сети¹⁶. Отдельный интерес для Абу-Даби представляет перспективный ливийский энергетический сектор.

Взаимодействие ОАЭ в *экономической сфере* со странами, вовлеченными в восточно-средиземноморский конфликтный узел, заметно интенсифицировалось с середины 2010-х гг. Так, в Египте после прихода к власти А. ас-Сиси эмиратский инвестиционный поток вырос более чем вдвое, а ОАЭ на сегодня являются крупнейшим после

Великобритании инвестором в стране¹⁷. Основными сферами эмиратских инвестиций являются недвижимость, телекоммуникации, проекты в сфере традиционной и альтернативной энергетики. Кроме того, ОАЭ входят в пятерку крупнейших торговых партнеров Египта. Франция также является одновременно одним из традиционных направлений для инвестиций ОАЭ — преимущественно в сфере недвижимости — и одним из крупнейших инвесторов в эмиратской энергетике (нефть, газ, солнечная энергетика, производство электроэнергии), областях опреснения воды и гостиничной инфраструктуры. В последние годы взаимные инвестиционные потоки нарастают: Франция на сегодняшний день входит в пятерку крупнейших инвесторов эмиратской экономики, а ОАЭ являются одним из пяти главных инвесторов — во французской, а также вторым по значимости торговым партнером Франции в регионе. Наконец, Израиль стал новым и очень перспективным направлением для эмиратских инвестиций: меньше чем за год с момента подписания соглашения о нормализации отношений было заключено более 20 соглашений в более чем 15 областях¹⁸. ОАЭ также заявили о создании фонда объемом 10 млрд долл. США с целью инвестирования в стратегические израильские отрасли, в первую очередь — энергетику, водные ресурсы, космос, здравоохранение и агротехнологии¹⁹.

Большое внимание ОАЭ уделяют участию в различных проектах в энергетической сфере в странах Восточного Средиземноморья.

<https://www.bbc.com/news/world-africa-53917791>
(accessed: 25.08.2021).

¹⁵ Sons S. A New 'Pivot to the Maghreb' or 'More of the Same': The Transformative Shift of the Gulf Engagement in North Africa // Konrad Adenauer Stiftung. 2021. P. 27. URL: <https://www.kas.de/documents/282499/282548/Gulf+Engagement+in+North+Africa.pdf/ef8db39-f0df-be85-c8c7-818ef12cc18c?version=1.1&t=1629992999800> (accessed: 03.09.2021).

¹⁶ Turkey Headed for an Unexpected Victory Libya's Oil War // Oil Price. May 24, 2020. URL: <https://oilprice.com/Geopolitics/Africa/Turkey-Headed-For-An-Unexpected-Victory-Libya-Oil-War.html> (accessed: 25.08.2021).

¹⁷ Egypt's Biggest Foreign Investors are Britain and the UAE during 2019—2020 // Business Today Egypt. February 8, 2021. URL: <https://www.businesstodayegypt.com/Article/1/249/Egypt%E2%80%99s-biggest-foreign-investors-are-Britain-and-the-UAE-during> (accessed: 25.08.2021).

¹⁸ Batrawy A., Harb M. Israelis, Emiratis Meet in Dubai to Discuss Investments // AP News. June 2, 2021. URL: <https://apnews.com/article/israel-dubai-middle-east-lifestyle-travel-c6d4be3c428d7c2867464db785af722e> (accessed: 25.08.2021).

¹⁹ UAE Announces \$10 Billion Fund for Investments in Israel // Times of Israel. March 12, 2021. URL: <https://www.timesofisrael.com/uae-announces-10-billion-fund-for-investments-in-israel/> (accessed: 25.08.2021).

Эмиратская Mubadala в 2018 г. приобрела доли в египетских средиземноморских шельфовых газовых месторождениях «Зохран» и «Нур», Блоке 4 Красного моря, а в 2021 г. — в израильском «Тамар». Ряд эмиратских государственных и частных компаний (например, Dragon Oil, Mubadala Petroleum, Dana Gas, South Trading Establishment) имеют доли и продолжают наращивать свое участие в египетских нефтяных и газовых проектах по разведке и добыче, разработке месторождений, хранению и транспортировке ресурсов. В 2020 г. также было объявлено о совместном эмиратско-израильском проекте строительства нефтепровода Эйлат — Ашкелон, соединяющего побережья Красного и Средиземного морей, как альтернативного пути поставки нефти из ОАЭ в Европу в обход Суэцкого канала, пропускной способности которого уже не хватает, чтобы обеспечить бесперебойное движение танкеров.

ОАЭ заинтересованы в укреплении позиций Египта как энергетического хаба, центрального пункта в процессе транспортировки нефти и в большей степени газа как из Залива, так и стран южного побережья Восточного Средиземноморья (в противовес аналогичным планам Турции), увеличении своего присутствия в одном из перспективных для глобального энергетического рынка с точки зрения газовых ресурсов Восточно-Средиземноморском регионе²⁰ и развитии многостороннего сотрудничества с Египтом, Израилем, Грецией и Кипром как ключевых звеньев энергетических и транспортных цепочек. В этой связи ОАЭ выступают в поддержку проекта газопровода EastMed, соединяющего газовые месторождения Восточного Средиземноморья с европейским рынком, а также стремятся к участию в новой региональной организации — Восточно-Средиземноморском газовом форуме, получение статуса наблюдателя в которой официально было заблокировано Палестиной в декабре 2020 г.

²⁰ Kozhanov N. The Billion-Dollar UAE — Israel Gas Deal Will Go Forward // Al Jazeera. May 20, 2021. URL: <https://www.aljazeera.com/opinions/2021/5/20/the-billion-dollar-uae-israel-gas-deal-will-go-forward> (accessed: 25.08.2021).

Рост интереса ОАЭ к возобновляемым источникам энергии и их стратегические планы в сфере развития «зеленой» энергетики предопределили активное сотрудничество с восточно-средиземноморскими странами также в этой сфере. Несколько французских энергетических компаний в последние годы стали играть значительную роль в развитии эмиратской атомной энергетики, участвуют в реализации двух проектов в Абу-Даби и Дубае в области солнечной энергетики, а также планируют совместную работу в области водородной энергетики²¹. В свою очередь, эмиратские компании Masdar, принадлежащая государственной Mubadala, и частная Alcazar Energy реализуют ряд проектов в солнечной энергетике в Египте и Греции. Masdar в январе 2021 г. также подписал соглашение о стратегическом партнерстве с израильской EdF Renewables в целях развития сотрудничества в сфере возобновляемых источников энергии²².

Особую значимость для ОАЭ Восточно-Средиземноморский регион представляет с точки зрения их глобальной стратегии по наращиванию «связанности» морских путей и расширению сети пунктов эмиратского присутствия в портах Восточного Средиземноморья и прилегающих районах. Так, DP World с 2008 г. является оператором египетского порта Сохна в Красном море на входе в Суэцкий канал и с того времени активно расширяет его инфраструктурные возможности. В 2017 г. было подписано соглашение о создании интегрированной промышленной и жилой зоны в районе Сохна²³, а в 2020 г.

²¹ Gnana J. Emirates Nuclear Energy Corporation and France's EDF in Joint Nuclear Research Pact // The National. June 30, 2021. URL: <https://www.thenationalnews.com/business/energy/2021/06/30/emirates-nuclear-energy-corporation-and-frances-edf-in-joint-nuclear-research-pact/> (accessed: 25.08.2021).

²² Masdar and EDF Renewables to Support Renewable Energy in Israel // Energy Global. January 27, 2021. URL: <https://www.energyglobal.com/special-reports/27012021/masdar-and-edf-renewables-to-support-renewable-energy-in-israel/> (accessed: 03.09.2021).

²³ SCZone, DP World Discuss Operation of Second Basin at Egypt's Sokhna Port // Ahram. September 2, 2020. URL: <https://english.ahram.org.eg/NewsContent/1/64/379201/Egypt/Politics-/SCZone,-DP-World-discuss-operation-of-second-basin.aspx> (accessed: 25.08.2021).

в сотрудничестве с саудовской MAWANI была запущена первая прямая судоходная линия, соединяющая его с эмиратским портом Джабель Али через Исламский порт Джидда. Израильские порты Эйлат, Хайфа и Ашдод представляют большой интерес для DP World: был подписан ряд соглашений в сфере развития портовой инфраструктуры Израиля, создания зон свободной торговли и потенциального открытия прямой судоходной линии между двумя государствами²⁴. В 2016 г. DP World получила концессию на 25 лет на эксклюзивное управление крупнейшим мультифункциональным кипрским портом Limassol²⁵. Во Франции DP World является оператором терминалов в портах Гавр и Фос, на северном и южном побережьях соответственно, параллельно осуществляя логистические проекты по строительству железнодорожных путей, соединяющих портовую инфраструктуру как внутри страны, так и в Северной Европе в целом²⁶. При этом DP World проявляет большой

интерес к усилению своего присутствия во французских портах, а также портах Греции и Ливии.

Заключение

Таким образом, активность Арабских Эмиратов в Восточном Средиземноморье в различных сферах заметно выросла за последние годы. При этом политика Турции в регионе стала одним из мотивирующих факторов для такой интенсификации сотрудничества в области безопасности. Однако очевидно, что стремление к сдерживанию экспансии Анкары — далеко не единственный стимул для Абу-Даби. Не менее значимым фактором выступают амбициозные глобальные планы в сфере энергетики, расширения сети своих портов и наращивания контроля над морскими путями, а также региональное и международное позиционирование своего статуса как влиятельного игрока — хотя эти амбиции и сталкиваются зачастую с интересами Турции. В этом контексте Восточное Средиземноморье представляется одним из наиболее стратегически важных регионов глобальной внешней политики ОАЭ — наряду с Африканским Рогом и Сахелем, где в последние годы также заметно расширяется экономическое и военно-политическое эмиратское присутствие.

²⁴ DP World and Dubai Customs to Assess Opportunities to Develop Trade Links between UAE and Israel // DP World. September 16, 2020. URL: <https://www.dpworld.com/news/releases/dp-world-and-dubai-customs-to-assess-opportunities-to-develop-trade-links-between-uae-and-israel/> (accessed: 25.08.2021).

²⁵ About DP World Limassol // DP World. URL: <https://www.dpworld.com/limassol/about-us/who-we-are> (accessed: 25.08.2021).

²⁶ DP World Expands European Inland Network through Swissterminal Tender Success to Operate Three Alsace Ports // DP World. May 10, 2021. URL: [https://www.dpworld.com/news/releases/dp-world-](https://www.dpworld.com/news/releases/dp-world-expands-european-inland-network-through-swissterminal-tender-success-to-operate-three-alsace-ports/)

[expands-european-inland-network-through-swissterminal-tender-success-to-operate-three-alsace-ports/](https://www.dpworld.com/news/releases/dp-world-expands-european-inland-network-through-swissterminal-tender-success-to-operate-three-alsace-ports/) (accessed: 25.08.2021).

Поступила в редакцию / Received: 14.09.2021

Принята к публикации / Accepted: 26.10.2021

Библиографический список

- Горбатова В.В. Саудовская Аравия и ОАЭ в Йемене: противоречивая коалиция // Проблемы национальной стратегии. 2019. № 6 (57). С. 52—69.
- Горбунова Н.М., Иванова И.И. Борьба за шельф Восточного Средиземноморья: итоги и перспективы // Вестник Института востоковедения РАН. 2020. № 2 (12). С. 64—79. DOI: 10.31696/2618-7302-2020-2-64-79
- Горбунова Н.М., Иванова И.И. Газ в Восточном Средиземноморье как причина новых конфликтов стран региона // Вестник Института востоковедения РАН. 2019. № 2 (8). С. 226—234.
- Кузнецов А.А. Разногласия между государствами Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива как фактор изменения политической ситуации в регионе Ближнего Востока // Международная аналитика. 2017. № 2. С. 69—77. DOI: 10.46272/2587-8476-2017-0-2-69-77
- Мелкумян Е.С. Гуманитарная политика арабских монархий Персидского залива // Пути к миру и безопасности. 2018. № 1 (54). С. 299—307. DOI: 10.20542/2307-1494-2018-1-299-307
- Мелкумян Е.С. Израиль во внешней политике ОАЭ: от конфронтации к нормализации // Вестник МГИМО-Университета. 2021. Т. 14. № 2. С. 107—118. DOI: 10.24833/2071-8160-2021-2-77-107-118

- Мелкумян Е.С. Новые тенденции в политике ССАГЗ в период региональной трансформации // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2016. № 4. С. 55—64.
- Мелкумян Е.С. Стратегия развития арабских монархий Залива: основные приоритеты // Труды Института востоковедения РАН. 2019. № 26. С. 601—610.
- Федорченко А.В., Артюшкин В.Ф. Экономическое проникновение в Африку стран Персидского залива // Азия и Африка сегодня. 2020. № 4. С. 26—33. DOI: 10.31857/S032150750009089-9
- Almezzaini K. Implementing Global Strategy in the UAE Foreign Aid: From Arab Solidarity to South — South Cooperation // *Vestnik RUDN. International Relations*. 2018a. Vol. 18. No. 3. P. 579—594. DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-3-579-594
- Almezzaini K. The Transformation of UAE Foreign Policy since 2011 // *The Changing Security Dynamics of the Persian Gulf* / ed. by K.C. Ulrichsen. London: C. Hurst & Co Publishers, 2018b. P. 191—205. DOI: 10.1093/oso/9780190877385.003.0011
- Antwi-Boateng O., Binhuwaidin M. Beyond Rentierism: The United Arab Emirates' Exceptionalism in a Turbulent Region // *Contemporary Arab Affairs*. 2017. Vol. 10. No. 4. P. 522—536. DOI: 10.1080/17550912.2017.1399640
- Bakir A. The UAE's Disruptive Policy in Libya // *Insight Turkey*. 2020. Vol. 22. No. 4. P. 157—178. DOI: 10.25253/99.2020224.10
- Brun I., Feuer S. In Search of a Regional Order: The Struggle over the Shape of the Middle East // *Strategic Assessment*. 2021. Vol. 24. No. 1. P. 5—20.
- Dell D., Feuer S. Toward a New “Solution”? Islamic Ideologies in the Middle East a Decade after the Uprisings // *Strategic Assessment*. 2021. Vol. 24. No. 1. P. 56—73.
- Evaghorou E.L. Turbulent Times in the Eastern Mediterranean: The Struggle for Power // *Mediterranean Quarterly*. 2018. Vol. 29. No. 1. P. 1—18.
- Guéraiche W. The UAE and the Arab Spring: Rethinking Foreign Policy // *The World Community and the Arab Spring* / ed. by C. Çakmak, A. Özçelik. Cham: Palgrave Macmillan, 2019. P. 395—407. DOI: 10.1007/978-3-319-60985-0_18
- Güney N.A., Korkmaz V. A New Alliance Axis in the Eastern Mediterranean Cold War: What the Abraham Accords Mean for Mediterranean Geopolitics and Turkey // *Insight Turkey*. 2021. Vol. 23. No. 1. P. 61—76. DOI: 10.25253/99.2021231.6
- Miller R., Verhoeven H. Overcoming Smallness: Qatar, the United Arab Emirates and Strategic Realignment in the Gulf // *International Politics*. 2020. Vol. 57. P. 1—20. DOI: 10.1057/s41311-019-00180-0
- Prontera A., Ruszel M. Energy Security in the Eastern Mediterranean // *Middle East Policy*. 2017. Vol. XXIV. No. 3. P. 145—162.
- Roberts D.B. Qatar and the UAE: Exploring Divergent Responses to the Arab Spring // *Middle East Journal*. 2017. Vol. 71. No. 4. P. 544—562. DOI: 10.3751/71.4.12
- Telci I.N., Horoz T.O. Military Bases in the Foreign Policy of the United Arab Emirates // *Insight Turkey*. 2018. Vol. 20. No. 2. P. 143—166. DOI: 10.25253/99.2018202.11
- The Eastern Mediterranean in Transition: Multipolarity, Politics and Power* / ed. by S.N. Litsas, A. Tziampiris. New York: Routledge, 2015.
- The Small Gulf States: Foreign and Security Policies before and after the Arab Spring* / ed. by K. Almezaini, J.M. Rickli. New York: Routledge, 2017.
- Ulrichsen K. *The United Arab Emirates: Power, Politics and Policy-Making*. London: Routledge, 2016. DOI: 10.4324/9781315748023

References

- Almezaini, K. (2018a). Implementing global strategy in the UAE foreign aid: From Arab solidarity to South — South cooperation. *Vestnik RUDN. International Relations*, 18(3), 579—594. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2018-18-3-579-594>
- Almezaini, K. (2018b). The transformation of UAE foreign policy since 2011. In K.C. Ulrichsen (Ed.), *The changing security dynamics of the Persian Gulf* (pp. 191—205). London: C. Hurst & Co Publishers, 2018. <https://doi.org/10.1093/oso/9780190877385.003.0011>
- Almezaini, K., & Rickli, J. M. (Eds.). (2017). *The small Gulf States: Foreign and security policies before and after the Arab Spring*. New York: Routledge.
- Antwi-Boateng, O., & Binhuwaidin, M. (2017). Beyond rentierism: The United Arab Emirates' exceptionalism in a turbulent region. *Contemporary Arab Affairs*, 10(4), 522—536. <https://doi.org/10.1080/17550912.2017.1399640>

- Bakir, A. (2020). The UAE's disruptive policy in Libya. *Insight Turkey*, 22(4), 157—178. <https://doi.org/10.25253/99.2020224.10>
- Brun, I., & Feuer, S. (2021). In search of a regional order: The struggle over the shape of the Middle East. *Strategic Assessment*, 24(1), 5—20.
- Dell, D., & Feuer, S. (2021). Toward a new “solution”? Islamic ideologies in the Middle East a decade after the uprisings. *Strategic Assessment*, 24(1), 56—73.
- Evaghorou, E. L. (2018). Turbulent times in the Eastern Mediterranean: The struggle for power. *Mediterranean Quarterly*, 29(1), 1—18.
- Fedorchenko, A. V., & Artyushkin, V. F. (2020). Economic Involvement of Persian Gulf Countries in Africa. *Asia and Africa Today*, (4), 26—33. (In Russian). <https://doi.org/10.31857/S032150750009089-9>
- Gorbatova, V. V. (2019). Saudi Arabia and the UAE in Yemen: The dissonant coalition. *National Strategy Issues*, 6(57), 52—69. (In Russian).
- Gorbunova, N. M. & Ivanova, I. I. (2019). Natural gas in the Eastern Mediterranean as a trigger of new conflicts between the countries of the region. *Vestnik Instituta Vostokovedeniya RAN*, (2), 226—234. (In Russian).
- Gorbunova, N. M., & Ivanova, I. I. (2020). Rivalry over the gas deposits in the Eastern Mediterranean: Results and prospects. *Vestnik Instituta Vostokovedeniya RAN*, (2), 64—79. (In Russian). <https://doi.org/10.31696/2618-7302-2020-2-64-79>
- Guéraiche, W. (2019). The UAE and the Arab Spring: Rethinking foreign policy. In C. Çakmak & A. Özçelik (Eds.), *The world community and the Arab Spring* (pp. 395—407). Cham: Palgrave Macmillan. https://doi.org/10.1007/978-3-319-60985-0_18
- Güney, N. A., & Korkmaz, V. (2021). A new alliance axis in the Eastern Mediterranean Cold War: What the Abraham accords mean for Mediterranean geopolitics and Turkey. *Insight Turkey*, 23(1), 61—76. <https://doi.org/10.25253/99.2021231.6>
- Kuznetsov, A. A. (2017). Disagreements between member states of the GCC as a factor of the political situation in the Middle East region. *Journal of International Analytics*, (2), 69—77. (In Russian). <https://doi.org/10.46272/2587-8476-2017-0-2-69-77>
- Litsas, S. N., & Tziampiris, A. (Eds.). (2015). *The Eastern Mediterranean in transition: Multipolarity, politics and power*. New York: Routledge.
- Melkumyan, E. S. (2016). New trends of the Gulf Cooperation Council policy in the context of regional transformation. *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*, (4), 55—64. (In Russian).
- Melkumyan, E. S. (2018). Humanitarian policies of the Arab monarchies of the Persian Gulf. *Pathways to Peace and Security*, (1), 299—307. (In Russian). <https://doi.org/10.20542/2307-1494-2018-1-299-307>
- Melkumyan, E. S. (2019). Strategy of development of the Arab Gulf monarchies: Major priorities. *Papers of the Institute of Oriental Studies of RAS*, (26), 601—610. (In Russian).
- Melkumyan, E. S. (2021). Israel in foreign policy of the United Arab Emirates: From confrontation to normalization. *MGIMO Review of International Relations*, 14(2), 107—118. (In Russian). <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2021-2-77-107-118>
- Miller, R., & Verhoeven, H. (2020). Overcoming smallness: Qatar, the United Arab Emirates and strategic realignment in the Gulf. *International Politics*, (57), 1—20. <https://doi.org/10.1057/s41311-019-00180-0>
- Prontera, A., & Ruszel, M. (2017). Energy security in the Eastern Mediterranean. *Middle East Policy*, XXIV(3), 145—162.
- Roberts, D. B. (2017). Qatar and the UAE: Exploring divergent responses to the Arab Spring. *Middle East Journal*, 71(4), 544—562. <https://doi.org/10.3751/71.4.12>
- Telci, I. N., & Horoz, T. O. (2018). Military bases in the foreign policy of the United Arab Emirates. *Insight Turkey*, 20(2), 143—166. <https://doi.org/10.25253/99.2018202.11>
- Ulrichsen, K. (2016). *The United Arab Emirates: Power, politics and policy-making*. London: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781315748023>

Сведения об авторе: Тюкаева Татьяна Иршатовна — кандидат политических наук, научный сотрудник лаборатории «Центр ближневосточных исследований» Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук (ИМЭМО РАН); ORCID: 0000-0003-0758-4187; e-mail: tatyana-tyukaeva@yandex.ru

About the author: Tyukaeva Tatiana Irshatovna — PhD in Political Sciences, Research Fellow, Center for the Middle East Studies, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences; ORCID: 0000-0003-0758-4187; e-mail: tatyana-tyukaeva@yandex.ru